АРИЭЛЬ ДЖАНИКЯН

СТАРАТЕЛИ

РОМАН

Перевод с английского

Марии Панич

phantom press

Москва

ПРОЛОГ

Клондайк
1898

Элис скорчилась в тесном пространстве чердака под покатой крышей, опираясь рукой на грубый холщовый мешок с золотом. Снизу доносились тихие голоса сестры и зятя, они мешались с щебетом воробьев и крапивников и наконец затихли где-то за пределами дома. Элис немного подождала, затем сбросила вниз веревочную лестницу и, когда та ударилась о дощатый пол, спустилась со своего насеста. Дверь оставили открытой, и хижину заливал белый свет. Этой ночью никто не спал. Наверное, никто даже не ложился. К столу были вкривь и вкось придвинуты скамья и стулья. На столе с ночи остались бутылки и заляпанные стопки. Пол под скамьей весь в ошметках грязи, нанесенной сапогами, — вычищать тут все, конечно, придется Элис. Она медленно повернула голову к двери, за которой открывался вид на безлюдный участок.

Что за мир вокруг? Весь прошедший год он постоянно менялся. И так стремительно, что отвечать на этот вопрос было попросту некогда.

Элис двинулась навстречу распахнутой бесконечности, на ходу сдернув с железного крюка соломенную шляпу и нахлобучив ее на голову. Рабочие, жившие на другой стороне ручья, уже получили жалованье за этот сезон, и их линялые палатки, хлопавшие на ветру, в основном пустовали. У самой воды, в опасной близости от стремительного течения, кто-то оставил по-

тускневший, слегка помятый жестяной лоток, шириной почти как шляпа Элис. Рядом со шлюзом на квадратном куске парусины — горка земли. Элис выросла на ферме и не выносила, когда работу бросали недоделанной. Она кинула горсть земли в лоток, зачерпнула воды из ручья и, повторяя движения, которым ее ради забавы научили рабочие, принялась крутить лоток, пока посеревшая вода не стала выплескиваться через край.

Вдруг в грязном водовороте что-то ярко блеснуло, потом еще раз. Элис крутила лоток, пока воды в нем совсем не осталось. Тогда она с отработанной точностью прикоснулась кончиком пальца к самому крупному самородку, оставшемуся на дне лотка. Коже передалось ощущение настоящих денег. Ее кинуло в дрожь. Они преодолели две тысячи миль, ступили на коварную землю, свою и чужую одновременно, и все ради того, чтобы можно было вот так взять кусок золота и уверенно положить в карман. Она быстро подняла глаза. На другом берегу между палатками рабочих пробирался муж ее сестры, Кларенс Берри. Широкое круглое лицо было угрюмо, большие пальцы заложены за неизменные красные подтяжки. Накануне вечером он набросился на Элис с такой злобой, что ей пришлось отступить. Сама она не испытывала подобной ненависти — впрочем, подумала она тогда, это еще одно доказательство, что его все больше гложут сомнения. Вскоре рядом с ним показалась ее сестра Этель, осторожно спускавшаяся по голому склону. В отличие от мужа, она сразу заметила на противоположном берегу фигуру, склонившуюся к самой кромке воды.

— Элис, иди сюда! Нам надо с тобой поговорить.

Но до них было далеко, свистел ветер, шумел ручей, голос у Этель был негромкий — Элис могла не услышать то, что предпочитала не слышать.

Она встала — промокшие рукава отяжелели, под ногами хрустел гравий, — положила лоток на шлюз и двинулась через третий и четвертый участки. Вот и яма, отмеченная номером пять. Дальше, на пустыре, под защитой растрепанных кустов, стоял приземистый, покосившийся сарай с зимним инвентарем. Элис замерла, потом неуверенно шагнула к плохо пригнанной

двери. Накануне Кларенс сказал, что в этом сарае лежит человек. На самом деле он имел в виду, что там лежит покойник.

Ветер гнал рябь по поверхности ручья, пригибал к земле высокие травинки. Уже ничего не исправить — разве что еще можно прервать череду других, мелких жестокостей, копившихся так быстро, что Элис не успевала их осознать. Она замерла. Чуть повернула и наклонила голову, как всегда, когда собиралась принять решение. *Я должна остановиться,* подумала она. И тут же: *только я не могу*. Она ощущала, что больше солнечного тепла ее греет обещание богатого, роскошного, пусть пока и туманного будущего. Элис опустила руку в карман и сжала пальцами самородок, словно черпая в нем силы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Отель «Ауани»,
Йосемитский национальный парк
2015

Мой дедушка был богат. Большую часть жизни он этого не стеснялся. Он считал, что богатство на него просто свалилось, как могли свалиться нужда или неудачи. Со стороны было видно, что деньги сделали его хвастливым, деспотичным и в то же время обаятельным, хоть и крайне бесцеремонным. Правда, сам бы он с этим не согласился. Он шел по жизни, принимая свое богатство, как житель Южной Калифорнии принимает солнечный день, зная, что такая погода продержится еще по крайней мере десяток лет.

Когда однажды в середине мая он позвонил мне и спросил, не можем ли мы с мужем повидаться с ним, в его голосе было какое-то непонятное напряжение, поэтому я сразу подумала, что ему от нас что-то нужно, и насторожилась. Чутье подсказало мне, что отвечать стоит уклончиво, еще до того, как я узнала, о чем пойдет речь.

— Мы бы с радостью, — сказала я, сохраняя на ноутбуке задание по биохимии и стараясь перекричать громкую музыку из машины за окном, — но у нас сейчас много дел по учебе и на работе. Но как только чуть освободимся, так сразу. Наверное, в конце июня.

— Июня?! — возмущенно воскликнул он. — Давайте в эту пятницу.

Ему нужно обсудить с нами срочное дело, объяснил он. Обязательно с глазу на глаз и как можно скорее. Я правда не хотела никуда ехать. Близилась важная сессия, и мне казалось, что я и так ничего не успеваю. Но дедушке не так-то просто было отказать, в том числе потому, что именно он платил за ту самую магистратуру, из-за которой я сейчас переживала. Я повернулась в кресле и, подняв брови, взглянула на Оуэна, сидевшего в другом конце комнаты, заваленной вещами и залитой солнечным светом. Он поднял голову, оторвавшись от проверки стопок унылых школьных сочинений.

— Сможем? — прошептала я, держа телефон на отлете.

Глухой звук: Оуэн постукивает ручкой по своим бумагам. Наконец он сдался:

— Сейчас не самое удачное время, но раз ему надо, как-нибудь выкрутимся.

Я снова повернулась к столу. На светофоре за окном загорелся зеленый, и поток машин тронулся с места.

— Ладно, — сказала я в трубку, изображая радость в голосе. — Планы поменялись. В выходные подъедем.

Но оговорки на этом не кончились. Дедушка хотел встретиться с нами не у себя на ранчо под Фресно, где он жил с раздражительной женщиной, которую я про себя называла не иначе как «жена номер шесть», а в отеле «Ауани» в Йосемитском парке, где он любил проводить каникулы в детстве и где, добавил он без тени смущения, он уже забронировал нам троим номера на выходные.

В пятницу, молясь, чтобы дряхлая «тойота-королла» выдержала шестичасовую дорогу, мы с Оуэном выехали из Лос-Анджелеса. Мимо нас проплывали яркие миндальные сады, клубничные фермы и ряды высоких нефтяных насосов, наклонявшихся, словно стада мифических существ, которые жадно припадают к земле, утоляя жажду. Дорога постепенно сужалась, и вскоре поля сменились тенистыми холмами, поросшими пихтами, секвойями, кипарисами, можжевельником и кизилом. В семь часов мы добрались до отеля и вышли в мир, не вмещающийся в человеческие масштабы привычного нам рукотвор-

ного мира. Мы устали, перед глазами плыло, но радость новизны, свойственная молодым людям, придавала нам сил.

По усыпанной сосновыми иголками парковке мы дошли до входа и до того были поражены величественным интерьером вестибюля, его обстановкой, что не сразу заметили высокого элегантного седого мужчину — моего дедушку Питера Бейли, который как раз выходил из сувенирного магазина, толкая тележку с четырьмя доверху набитыми коричневыми пакетами.

Всю дорогу до «Ауани» я нервничала. Даже в девяносто три года дедушка сохранял переменчивый нрав, и его настроение невозможно было предугадать. Но сейчас он пребывал в прекрасном расположении духа и был откровенно доволен собой. Он пожал Оуэну руку, поцеловал меня в щеку — «Анна, милая, здравствуй, рад тебя видеть» — и повел нас к широкому кожаному дивану в зоне отдыха, где явно специально для нас принялся распаковывать покупки — на них ушло не меньше двух тысяч долларов.

— До чего хорош, — сказал он, торжественно высвобождая железный керосиновый фонарь из коричневой бумажной обертки. — Нравится?

Кроме фонаря, он купил три декоративные корзинки, сумочку с плетеной ручкой и черно-зеленую куклу-качина с печальным ротиком и посохом в поднятой руке. Еще в пакетах были набор расписных мисок, браслет из бирюзы, пара деревянных поварешек с костяными ручками и витражная подвеска на окно в виде оранжевого солнца.

К нашему несказанному удивлению, дедушка объявил, что все это для нас, и стал вручать нам подарки в знакомой мне театральной манере, неприятно сочетавшей в себе напыщенность и самоуничижение.

— Я и так с ними запоздал, — сказал он. — Прошу прощения. Мало того, что я пропустил вашу свадьбу, так еще и напрочь забыл отправить подарок.

Из-за недавно поставленного диагноза — застойная сердечная недостаточность — прошлой осенью он действительно пропустил нашу свадьбу. Было решено, что лететь через всю страну до Филадельфии — города, где мы с Оуэном познакомились

во время учебы в колледже и где жили почти все наши друзья, — слишком большой риск. Однако, деликатно напомнила я, побаиваясь его рассердить, он прислал нам чудесную открытку, а еще чек, покрывший расходы на свадебное путешествие — стоимость авиабилетов до Рима и семи ночей в отеле «Фонтана» прямо у фонтана Треви.

— Господи, я совершенно забыл, — воскликнул дедушка, хлопнув себя по лбу. — Все так и было. Какой я щедрый. — Придя в себя, он указал на пакет у меня в руках, и в глазах у него блеснул озорной огонек: — В таком случае отдавайте обратно. Подарю кому-нибудь другому.

В ресторане отеля оказалось несколько незанятых столиков. Мы с Оуэном хотели отнести пакеты и наши сумки наверх, но дедушка заявил, что он голоден, поэтому вещами пусть займется коридорный, а мы пойдем есть. Я сказала, что, наверное, нам с Оуэном стоит сначала сменить футболки и джинсы на что-нибудь более подходящее, но дедушка решительно отмел это предложение: он не терпел церемоний.

Так что мы прошли через вестибюль в ресторан, еще более роскошный, чем я опасалась: сверкающие столовые приборы, высокие потолки и кованые люстры. Я не привыкла к таким местам. Оуэн к тому моменту второй год преподавал обществознание десятиклассникам в школе «Кателла» в Анахейме. Я училась на первом курсе магистратуры по экологии в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе и надеялась, что диплом (как именно — я представляла себе весьма туманно) даст мне какую-нибудь блестящую профессию будущего, имеющую некое смутное отношение к связыванию и хранению углерода. Конечно, в Лос-Анджелесе мы волей-неволей соседствовали со сказочными богачами, но каждый слой общества существовал в своем отдельном мире, и лишь немногим удавалось, подобно солнечному лучу, пройти все слои насквозь.

Мы сели за безукоризненно чистый стол, и мне сразу стало ужасно неловко. Я не сомневалась, что Оуэн чувствует то же самое. Зато дедушку явно ничего не смущало, хотя на нем были точно такие же синие джинсы.

Неужели, невольно подумала я, стараясь спрятать ноги под импровизированной юбкой из огромной салфетки, в какой-то момент чувство собственного величия раздувается до таких масштабов, что никакие этикетные оплошности уже не смущают?

Дедушка не стал открывать меню. Вместо этого он подозвал официанта и неторопливо заговорил:

— Скажите, молодой человек, у вас есть рибай? А брюссельская капуста?

Он поднял скрюченный указательный палец, сказал: «Значит, это делается так» — и принялся детально описывать, что именно должно оказаться у него на тарелке. Официант аккуратно записал все в блокнот и спешно удалился на кухню.

Оуэн, выросший в районе Куинс, в семье продавцов из универмага «Мейсиз», склонных к социализму, шепнул мне в ужасе:

— Никогда не видел, чтобы кто-нибудь так делал заказ.

Мне было двадцать семь лет, я недавно вышла замуж, и, поскольку дедушка не торопился объяснять, зачем мы здесь собрались, я принялась рассказывать веселые свадебные истории. Но довольно скоро стало понятно, что до нашей свадьбы дедушке нет никакого дела: искоса глядя на нас, он медленно потягивал виски из стакана и, судя по всему, готовился завести речь о том, ради чего он нас вызвал. Наконец он прокашлялся в кулак и серьезно, властно произнес:

— Как вы понимаете, я позвал вас не только поесть и погулять по горам. Мне нелегко об этом говорить, но кое-кто из семьи уже знает, и пришло время вам тоже все узнать.

Оуэн поставил стакан на стол, я последовала его примеру. Мы с тревогой ждали продолжения.

— Дело в том... — Голос дедушки дрогнул, но он с усилием продолжал: — Дело в том, что я умираю.

Тут я поняла, что совершенно не представляю, как на это следует реагировать. Дедушке было девяносто три года. У него проблемы с сердцем. Он правда рассчитывал нас удивить? Я взглянула на Оуэна, но он тут же отвел глаза, словно боялся, что лишняя секунда выдаст наши недостойные мысли.

Наконец я собралась с духом. Я положила руку дедушке на плечо.

— Ну что ты, не надо так говорить, — сказала я, словно укоряя его за жестокость.

— Но я действительно умираю, — ответил он бесстрашно и решительно. — Конечно, я от этого не в восторге. Я бы с радостью прожил еще лет десять. А то и двадцать. Почему нет? Но, разумеется, никто меня не понимает. Все считают, что как только тебе стукнуло девяносто, надо тихо уйти со сцены без жалоб и стонов. Ничего, моя милая, — он мягко снял с плеча мою руку, — конец близок, но я его не боюсь. Я устроил свои дела. В домах чистота и порядок. Собаками и так уже занимается твой дядя Крейг. Я столько раз пересматривал свое завещание, что юристы в конце концов отняли у меня его силой. Дескать, я как художник эпохи Возрождения, который никак не может отложить кисть.

Он помолчал. Затем провел краем салфетки по бледным, потрескавшимся губам и едва заметно прищурился.

— Но кое-что все еще не в порядке, — продолжал он. — В завещании чертова уйма компромиссов, и это еще мягко сказано. Я им все-таки недоволен. Я позаботился о жене и ее детях (*он имел в виду жену номер шесть и двух ее сыновей средних лет*), кое-что отойдет и моим собственным детям и внукам (*всего, если я никого не забыла, у дедушки было шесть детей от четырех браков, со второго по пятый, пятнадцать внуков и два правнука*), но меня заставили кое-кого исключить, и я до сих пор проклинаю себя за то, что дал слабину.

Я почти наверняка знала, что он скажет дальше. Сразу с нескольких сторон до меня уже дошли слухи, что дедушка много месяцев сражался с женой номер шесть за то, чтобы включить в завещание некую женщину — индианку из тлинкитов и хэн, живущую на севере Канады, — и если с его многочисленными биологическими потомками жена номер шесть еще как-то мирилась, то тут она заявила, что такого оскорбления не потерпит.

— Ее зовут Уинифред Лоуэлл, — сказал дедушка, подтверждая мою догадку. — Если у меня в жизни и остались неокон-

ченные дела, то они связаны с этой женщиной. Мы никогда не обходились с ними по справедливости — с ней и с ее семьей. Я в том числе. Но покуда я еще тепленький и моя партия еще не доиграна, господь свидетель, я хочу успеть все исправить.

И снова, хотя страсть, прозвучавшая в словах дедушки, была мне в новинку, его признание меня не ошеломило. От других родственников я уже слышала о том, как растет его одержимость семьей Лоуэлл, которая в 1898 году, во время клондайкской золотой лихорадки, столкнулась с моими предками по материнской линии, семьями Буш и Берри. Ничем хорошим для Лоуэллов это не кончилось. В последнее время (это я тоже узнала из семейных сплетен) размышления все чаще уводили дедушку к его собственному двоюродному деду и благодетелю, Кларенсу Берри, который однажды оставил свой высохший фруктовый сад в калифорнийской долине Сан-Хоакин и, положившись на слухи, отправился на север за золотом. Там после нескольких лет бесплодных поисков с мизерными шансами на успех он застолбил участки на одном ручье, где ему повезло — он наткнулся на богатую жилу и добыл столько золота, что его прозвали «королем Клондайка».

— Мой двоюродный дед Кларенс был толковый бизнесмен, — сказал дедушка в ответ на наши осторожные просьбы пояснить, что значит «с семьей Лоуэлл никогда не обходились по справедливости». — И надо отдать должное его хладнокровию. Но при этом клан Берри в полном составе и пол-Калифорнии в придачу нахлынули на Юкон и плевать хотели на то, что и кого они сметут по дороге. Бабка Уинни по имени Джейн Лоуэлл была из канадских индейцев и одно лето проработала на приисках у Берри — насколько я знаю, бедняжка так никогда от этого и не оправилась. Подробностей уже не восстановить, но, как ни печально, ее родной брат погиб в результате какого-то ужасного несчастного случая, и замешан был в этом сам Кларенс.

— Какой ужас, — произнес Оуэн. Он все это слышал впервые. Для меня, так как при мне недавно говорили о Лоуэллах, это была часть нашей семейной истории, хотя, надо признаться, такая часть, о которой я много лет не подозревала.